

1852 НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ 1952

Великий русский писатель-реалист

Когда мы говорим о блестящем расцвете русской литературы в XIX веке, поставившем ее во главе мировой литературы, в нашем сознании прежде всего возникают имена Пушкина и Гоголя — создателей и основоположников искусства слова, связанного с живой действительностью, литературы критического реализма.

Гоголь начал свою литературную деятельность тогда, когда Пушкин уже завоевал признание и славу главы русской литературы, никем не превзойденного мастера стиха. Выступив как соратник и продолжатель великого дела Пушкина — создания русской национальной литературы, Гоголь первыми же произведениями утвердил за собой, по выражению Чернышевского, имя «отца прозы». Но различие между ними идет не только и не столько по этой линии. По утверждению Беллинского, после выхода в свет первого тома «Мертвых душ» Гоголь — «великий талант, гениальный поэт и первый писатель современной России» — по сравнению с Пушкиным — «более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени».

О том же еще более определенно говорится в 1855—1856 г. Н. Г. Чернышевский, продолжатель дела Беллинского. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» он писал: «Должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочного введения в русскую изящную литературу сатирического — или, как справедливее будет назвать его, критического направления».

Вслед за Беллинским и Чернышевским и мы воспринимаем Гоголя как основоположника критического реализма и наряду с Пушкиным как родоначальника новой русской литературы, все внимание которой было направлено на изображение реальной действительности с ее сложными социальными противоречиями.

Родился Николай Васильевич Гоголь-Яновский 1 апреля (по новому стилю) 1809 года в местечке Сорочинцы. Детство его протекало в имении его родителей — в Васильевке Миргородского уезда. Родители писателя не принадлежали к украинской знати. По словам Герцена, Гоголь по своим вкусам и складу ума принадлежал к народу. Эти вкусы слагались у него уже с детских лет благодаря постоянному общению с народом, с закрепощенными крестьянами и свободными «казаками», которые кое-где уцелели на Украине. Прекрасная украинская народная поэзия — думы, песни, сказки, легенды, пословицы и поговорки питали воображение Гоголя-художника, ей обязан он не только народностью и красотой своих «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Именно она дала Гоголю силу создать героическую повесть-поэму такой красоты и потрясающей мощи патристического воодушевления, как «Тарас Бульба».

Образование Гоголь получил в Нежинской гимназии высших наук, куда поступил в 1821 году и которую успешно окончил весной 1828 года.

В гимназии было несколько передовых преподавателей. В своих лекциях и в отношениях с учащимися они выходили за пределы преписанного учебного плана и казенной дисциплины. Таков был, например, молодой преподаватель юридических наук, инспектор гимназии Белоусов, уважение и любовь к которому Гоголь сохранил на всю жизнь.

В конце 1828 г. Гоголь едет в Петербург. После ряда неудачных попыток найти себе нужное и полезное дело он находит истинное призвание в литературной деятельности. В 1831 и в 1832 годах вышли две книги повестей Гоголя под общим заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести читались с восторгом. Гоголь гордился тем, что они нашли поклонников в демократической среде, которая тогда еще мало интересовалась литературой.

Повести «Вечеров» созданы Гоголем на прекрасном знакомом ему материале украинской жизни. В некоторых из них писатель рассказывает о жизни гетманской, казачьей Украины, широко используя устное украинское народное творчество — сказки, думы, легенды. Фольклорная фантастика переплетается в повестях с реалистическим изображением людей.

В 1835 году вышли два новых сборника произведений Гоголя, каждый в двух частях: «Арабески» и «Миргород». В состав «Миргорода» вошли повести: «Старостинские помещики», «Тарас Бульба», «Вий» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Все они украинским материалом связаны с «Вечерами», но две из них — «Старостинские помещики» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — посвящены изображению современности и написаны не в тонах той беззаботной веселости, что повести «Вечеров». В них уже слышатся ноты осуждения, отрицания «бедности», «пошлости» современной Гоголю крепостнической действительности. «Скучно на этом свете, господа!» — такими словами заканчивает Гоголь повесть об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче.

Обособ место в «Миргороде» занимает «Тарас Бульба» — историческая повесть из жизни Украины конца XVI, начала XVII веков. Здесь нашла яркое, волнующее выражение любовь Гоголя к родному народу, вера в его силу, в его будущее. Патристический нафос, одушевляющий героев повести, титанические образы Тараса, Остапа и их товарищей в борьбе за независимость Родины, прекрасные картины природы, богатство языка и изобразительных средств повествования дали повести Гоголя такую силу эмоционального воздействия, которая потрясает читателей.

В состав «Арабесок» включены три повести («Портрет», «Невский проспект» и «Занесши сумасшедшего») из цикла

петербургских повестей. В поле зрения Гоголя вошли новый мир, новые люди, новые формы социальных отношений. В Петербурге Гоголь познакомился с жизнью большого города, в котором слагались отношения капиталистического общества, где острее сказывалась и ощущалась разврашающая сила денег. Он познакомился с бюрократическим аппаратом крепостнического государства, с бездушием, продажей, невежеством чиновников, от которых зависела судьба миллионов граждан самодержавной николаевской России. И в повестях нового цикла писатель обнажает кричащие социальные противоречия слагающегося буржуазного общества. Здесь он показал противоречия роскоши и нищеты («Невский проспект»), показал жалкую судьбу маленького человека («Шинель»), ставшего жертвой безудержной власти имущих. Власть денег гудит, развращает красоту; идеальная женщина чердачных мечтаний Пискарева обречена на проституцию («Невский проспект»); деньги убивают свободное искусство, талантливого художника превращают в ремесленника, удовлетворяющего немые и пошлые вкусы их обладателей («Портрет»). В этих повестях Гоголь поднимается на большую высоту критического реализма с резко выраженной социальной направленностью сатирического изображения действительности. От повестей этого цикла идут представители так называемой «натуральной школы», ученики и продолжатели дела Гоголя в русской литературе XIX века.

Но высшей силой достигает гоголевский реализм в двух произведениях, которые в настоящее время знает весь мир: в комедии «Ревизор» и в поэме «Мертвые души». Гоголь прекрасно понимал общественное значение литературы и ее громадные возможности воздействия на людей. Вполне естественно, что у него возникло желание создать комедию, произведение такого жанра, который в сценическом исполнении дал бы дополнительные средства воздействия на людей. От мысли написать комедию «Владимир 3-й степени» Гоголь отказался и писал в феврале 1833 г. Погодину: «Мне больше ничего не остается, как выдувать сюжет самый невинный, которым бы даже квартальный не мог обидеться. Но что комедия без правды и злости!»

И вот в 1835 г. писатель задумывает комедию с «невинным сюжетом» из жизни не столицы и не крупного чиновничества, а из чиновничьего быта глухой, безымянной провинциальной города. Сюжет этой комедии («Ревизор») был дан Гоголю Пушкиным, общение с которым имело для писателя громадное значение. По «анекдоту», положенный в основу сюжета «Ревизора», был в жизни провинции времен Николая I бытовым явлением, что и дало возможность Гоголю создать произведение исключительного общественного значения.

Комедия была встречена враждебно петербургской публикой на первом спектакле (19 апреля 1836 года). На Гоголя осыпали «избранной публики» провалом тяжелое впечатление. «Ну, если бы один, два ругали, ну, и бог с ними, а то все, все», — говорил он своему другу и земляку Проктоповичу. Гоголь, разумеется, был неправ. Наоборот, именно с «Ревизора» молодая русская интеллигенция начала видеть в нем писателя, дорогого ей и близкого.

Гоголь не вполне осознавал, что своей комедией, зрелостью, жизненностью, убедительной правдивостью ее образов, едким, убийственным смехом он нанес смертельный удар всей бюрократической системе, всему укладу феодальной крепостнической государственности. И это прекрасно понимали революционные демократы — современники писателя.

«Мертвые души» Гоголь писал за границей. Сюжет поэмы, как и «Ревизора» был подсказан ему Пушкиным, безвременная смерть которого тяжело поразила писателя.

Первый том «Мертвых душ» вышел из печати в мае 1842 года. Автору и его друзьям стоило больших усилий провести книгу через цензуру. Цензоров смущало прежде всего заглавие. «Мертвых душ» не может быть; автор вооружается против бессмертия», — писали они. Гоголь принужден был расширить и тем смягчить название поэмы, и она вышла под заглавием «Похождения Чичикова или «Мертвые души». Писателя особенно огорчала необходимость писать первоначальную редакцию «Повести о капитане Койкевиче» и заменить ее менее острой по содержанию и социально-политической направленности.

Поэма Гоголя вызвала страстные чувства восторга у одних читателей и ненависти и возмущения — у других. Равнодушных не было, ибо отношение к поэме проводило грань между представителями старой, феодальной, помещичьей России и России новой, революционно-демократической, жившей настроениями грядущего освобождения. Для Беллинского «Мертвые души» — «Творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдерживающее пьезор с действительности и дышащее страстно, нервно, кровью любовью к плодотворному зерну русской жизни; творение неотъемлемо художественное... и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое».

Первый том «Мертвых душ» — вершина повествовательного реалистического мастерства Гоголя. Прием развертывания сюжета в движении Чичикова по дорогам дореформенной России сообщал отдельным эпизодам поэмы характер широчайших обобщений глубокого социального значения. Нет в поэме точных географических обозначений, мы не знаем, в каком «губернском городе» оформлял юридически свои покупки мертвых душ Па-

вел Иванович Чичиков, не найти на карте тех поселений, в которых были дения Манилова, Коробочки, не назвать тех ярмарок, по которым мотался Ноздрев. Это — именно вся Русь, ибо по всей крепостной России грязными пятнами оседали паразитические гнезда соблакевичей, коробочек и других «мертвых душ».

Величайшую силу обобщений социального порядка подучили отдельные образы гоголевского произведения. Все они даны в немногих ярких чертах пошлости морального облика, физического безобразия «героев». Все они показаны как бы в раковине сужающего их и ими определяемого хозяйственного и культурного быта. Эти характеристики, выраженные меткими, разнородными словами великого русского языка, недостижимым мастером которого был Гоголь, не только обобщают типические черты «мертвых душ» — помещиков крепостнической России, — но в то же время рисуют нам конкретных людей, носителей резко индивидуализированных черт моральной и физической пошлости. Эта социальная обобщенность и индивидуальная конкретность гоголевских характеристик сообщила им такую культурно-историческую познавательность и остро-эмоциональное воздействие, что ни одно из гениальных произведений русской и мировой литературы не дало столько имен «героев», которые стали нарицательными и сохранили свою нарицательность и в наши дни, как «Мертвые души».

Уже в ходе работы над первым томом «Мертвых душ» у Гоголя возник замысел создания ее как поэмы, в которой показана была бы Русь «хотя с одного боку». На последние годы жизни Гоголя и падает мучительная работа его над вторым томом поэмы. В предсмертной болезненной тоске Гоголь сжег написанные главы тома, до нас дошли только его фрагменты. Он не справился с поставленной перед собой задачей. Это была не столько его вина и не слабость его таланта, а вина века, как говорил Чернышевский.

К концу дней своих Гоголь поддал влиянию «друзей» из среды аристократии и из среды идеологов феодальной и растущей буржуазной России. Его мечты о прогрессе России на путях «примирения всех» одержали верх и над заветами светлой для него памяти Пушкина и над предостережениями Беллинского, который упрямо боролся за Гоголя, «надежду, честь, славу» России.

Беллинский жестоко осудил Гоголя за несчастную книгу — «Выбранные места из переписки с друзьями», которой великий писатель хотел «спригтовать» и себя и читателей к появлению второго тома «Мертвых душ». Содержание «Переписки» противоречило всему творчеству Гоголя. Знаменитое письмо Беллинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест» отразило, по определению Ленина, интересы и настроения того крепостного крестьянства, помыслам о свободе, счастье которого посылал всю силу своего гения великий художник Гоголь.

Мы уверены, что в умирающем Гоголе были еще живы и сильны побуждения к творческой деятельности. Но он ушел из жизни тогда, когда только еще начиналось широкое движение народных масс к своему освобождению на путях революции, идеологами и вождями которого, вслед за Беллинским, были — уже после смерти Гоголя — Чернышевский и Добролюбов.

«Выбранные места» забыты свободным великим русским народом. Но творческое наследие писателя — наша национальная гордость. Пламенная любовь Гоголя к Родине, его глубочайшая вера в великое будущее России, его уничтожающий смех над пошлостью феодального и буржуазного общества и поныне служат возбудителями наших творческих сил в деле борьбы за мир, освобождение и счастье всех трудящихся.

На Родине Гоголя, в стране Советов, нет «мертвых душ». Наша великая Родина, свободная, быстро несущаяся к величии Рूसи, — страна свободных людей, создателей прекрасного будущего — коммунизма.

Растет и ширится мировое значение великого русского художника-реалиста. В буржуазных странах Европы и в Америке еще не рассеяны, не уничтожены «мертвые души», которые судорожно цепляются за право паразитического существования и господства над «живыми душами», за возможность их беспощадной эксплуатации. Американский чичиков, еще более обнаглевший за его лет после смерти Гоголя, — то без всякой маски, как продавец американской авиации, то под маской методистского ханжи, проповедника гнилой и живой американской цивилизации и американского образа жизни, — рыщет по всем концам света, только не в коллежках русского Павла Ивановича, а на самолете, в фордовском автомобиле, в вагоне специального поезда.

Не брезгает американский чичиков и работой шпиона, диверсанта. Американский хлестаков смеет и нагло выступает и в роли дипломата и в роли производителя, распорядителя 35.000 курьеров. Американские соблакевичи, маниловы, коробочки ищут для своих читателей философские, экономические, эстетические трактаты, дамы «просто приятные и приятные во всех отношениях» расхваливают на разных конференциях так называемый «американский образ жизни» и с наслаждением созерцают сцены личинчатых негров.

Гоголевские бессмертные образы помогут нашим друзьям в буржуазных странах узнать эти новоявленные «мертвые души» и победить их.

В. ДЕСНИЦКИЙ,
доктор филологических наук

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ РУССКОЙ О Родине

«Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу; бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развесялять, не испугать взором дерзкие дива природы, вечанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и пюицы, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громогласящие без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснет сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, пюицом и несметными миллионами диких роз, не блеснет сквозь них вдали вечные линии сиюющих гор, несущихся в се-ребряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная дила влечет к тебе? Почему слышишь и раздается не молочно в ушах твою тоскливую, несущуюся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря песню? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу и вытесают около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что елядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже жалею осеннюю грозное облако, тяжелое граду-щими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразая во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!»

(Н. В. Гоголь. «Мертвые души»)

«Эх тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный саряд, не железный схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы и сидит чорт знает на чем; а привстал да замакнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необоимая тройка несешься? Дылом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое

ли ухо горит во всякой вашей жалке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни етянцутые линии, летящие по воздуху, и мчаться вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчики; гремит и становится ветром разорванный в куки воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь постороняются и дают ей дорогу другие народы и государства».

(Н. В. Гоголь. «Мертвые души»)

О товариществе

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... нет уз святее товарищества. Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать; но это не то, братцы, любит и зверь свое дитя! но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случилось не одному помногу попадать на чужбине; видишь: и там люди! также божий человек, и разговорился с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово — видишь: нет! умные люди, да не те; такие же люди, да не те! нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем чем дал бог, что ни есть в тебе... Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество. Уж если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать! никому, никому! нехватит у них на то мышинной природы их!»

(Н. В. Гоголь. «Тарас Бульба»)

О русской песне и русском слове

«Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из основных бревен избы по всей Руси. Под песни мчутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. Под песни баб лелеются, женятся и хоронятся русский человек. Все дорожное, дворянство и недворянство, летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый, с смолстыми усами козак, заряжая пицаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей лыдине, русский промышленник бьет острой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы?»

(Н. В. Гоголь. «Петербургские записки»)

«Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзывается слово британца; легким цеголем блеснет и разлетится недологовечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-художавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замачисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

(Н. В. Гоголь. «Мертвые души»)